

Светлана Снегова

*Из жизни
«серых
мышек»*

Сборник рассказов

Светлана Снегова
Из жизни «серых мышек».
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23462829

ISBN 9785448393471

Аннотация

Разные героини, разные судьбы. Но всех их объединяет одно – они хотят любить и быть любимыми. В сборник включены рассказы, написанные в разные годы, а также небольшая повесть «Талант – дело тонкое».

Содержание

О пользе пирожных	5
Синдром одиночества	24
Чай с мелиссой	33
Друг детства	44
Успей загадать желание	52
Трудности перемен	63
Дойти до радуги	71
Время дурочек	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Из жизни «серых мышек»

Сборник рассказов

Светлана Снегова

© Светлана Снегова, 2017

ISBN 978-5-4483-9347-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О пользе пирожных

Валентина Семеновна решила начать новую жизнь. С сегодняшнего дня. Не откладывая на понедельник. Просто проснуться и сказать себе:

«Доброе утро, дорогая! Я начинаю жить по-новому».

Она так и сделала. Новая жизнь началась.

Сегодня на работу она пойдет в ярко-васильковом платье. Еще вчера Валентина Семеновна первая осудила бы коллегу, явившуюся в школу в таком виде. Школа не место для демонстрации своего гардероба – в этом она была полностью солидарна с директором школы, требующей от своих подчиненных строгости не только в мыслях, но и в одежде. Но то было вчера. А сегодня пусть все ей завидуют.

Позавидовать было чему. Платье было очень нарядное и... дорогое. С учительской зарплаты себе такое не позволишь. Валентина Семеновна и не могла позволить.

Платье ей купила Иришка.

«Мамуля! Ты хоть на мою свадьбу оденься по-человечески. А то натянешь свой „учительский“ костюмчик. Ты у меня должна быть самая красивая!»

Ярко-васильковый цвет был ей к лицу, и Валентина Семеновна знала это. Жаль только, что платье с тех пор так и висело в шкафу.

Телефон зазвонил, когда Валентина Семеновна уже готова была выйти из дома. Иришка. Больше никому. – Мама, ты еще не ушла? Можно мы привезем к тебе Артемку вечером? Игоря пригласили на презентацию, – голос Иришки звучал бодро. Он даже не спрашивал, а утверждал.

Это была святая обязанность бабушки заниматься с внуком, пока его родители вели светскую жизнь. Положение Игоря в бизнесе требовало его присутствия на разных мероприятиях и тусовках. Соответственно с ним должна была находиться и молодая жена.

Занятия с внуком совсем не тяготили Валентину Семеновну. Полуторагодовалый Артемка был человеком самостоятельным. Он сам умел застегивать сандалики и кушать ложкой суп. Валентина Семеновна обожала возиться с внуком, придумывала разные игры, читала сказки и тут же рисовала ему сказочных героев. Для нее Артемка был радостью. Валентина Семеновна стремилась отдать ему всю нерастраченную любовь и ласку, которую недодала его матери, своей дочери Иришке. На игры с ней не хватало времени. Работа, работа, дополнительные уроки, деньги, деньги. Ребенок не должен чувствовать своей безотцовщины. Я сама могу дать дочери все необходимое. Мы не нуждаемся в деньгах. У девочки все есть. Все ли? А было ли достаточно внимания и тепла? Тогда она об этом не думала.

Уже взрослой, Иришка как-то сказала Валентине Семе-

новне:

«Еще не став ученицей, я возненавидела школу. Она укра-
ла у меня маму».

Валентина Семеновна благодарна Игорю, что он не пускает Иришку работать. Мама должна быть с ребенком. У Артемки мама рядом. Как это страшно, наверное, видеть маму только по выходным. Да и то, если не спланировано какое-то школьное мероприятие.

Еще бы вчера Валентина Семеновна с удовольствием согласилась провести вечер с Артемкой. Но Новая жизнь не предполагала вечера с внуком. Это ее день. Только ее.

– Нет! Не могу. Я сегодня занята.

Валентина Семеновна представила себе, как вытянулось от удивления Иришкино лицо. Негласное соглашение было нарушено. Валентине Семеновне стало стыдно, и рука сама потянулась к телефону. Но она остановила ее.

«Это твой день».

Дождя сегодня не обещали. Ноябрь на редкость был теплым и солнечным. Ни затяжных дождей, ни пронизывающего ветра. Казалось, что октябрь позабыл передать эстафету следующему брату. Даже деревья не спешили сбросить свой желто-красный наряд.

Валентина Семеновна любила в такие дни выезжать на природу. Но это было давно, еще в прошлой жизни.

Тогда еще просто Валечка, подающий надежды молодой художник. Каждый солнечный день был подарком природы. Тяжелый этюдник оттягивал плечо. Злые тетки истошно вопили: «Куда прешь со своим ящиком!». Но ничто не могло испортить настроения. Одно желание – успеть схватить эту красоту, перенести ее на бумагу. Каждый листик, каждый лучик солнца. Чтобы все увидели – мир прекрасен. Валечка любила осень, и картины отражали ее любовь.

Вадим кривил губы.

«Это примитивно!»

«Почему? – не понимала Валечка. – Я так вижу»

«Мир не может быть таким красивым».

Вечный спор. Вадим – гений, талант. Но все ли понимал он в этой жизни?

Валечка привыкла прислушиваться к его советам, старалась изменить свои работы. Очень расстраивалась, если это не удавалось. Оправдывалась и ...вновь рисовала свои радостные картины.

Валентине Семеновне оправдываться было не надо. Не перед кем, да и не за что. Радостных картин больше не было.

Когда мы очень сильно привязываемся к кому-то или чему-то, то при их потере уходит и какая-то частица нас самих. С уходом Вадима потерялась очень большая частица Ва-

лечки. Такая большая, что исчезла сама Валечка и появилась совершенно новая женщина – Валентина Семеновна. С новыми мыслями, делами и даже жизнью. Образ Валечки ушел из ее памяти.

Иногда она приходила к Валентине Семеновне. Во сне. Легким облачком не запоминающихся событий. О чем она хотела сказать, что посоветовать? Она – такая молодая и наивная. Она – такая мудрая в своей наивности, не разучившаяся видеть радость в холодной осени.

Перерождение было мучительным. Как у змеи, которая сбрасывает шкуру. В одиночестве.

Весь мир заключался в Вадиме и трехлетней Иришке. Вадима не стало. Иришка была озабочена своими детскими делами и еще слишком мала, чтобы понять проблемы, обрушившиеся на их дом.

«Где папа?» – этот вопрос был задан только один раз.

«Папа уехал в Москву».

Она получила ответ и была им удовлетворена. Так сказала мама, значит так и есть.

Проблемы начались потом. Детский сад, школа и вечно занятая мама. Воспитанием Иришки занялось государство. Хорошо, что получился нормальный человек, а не моральный урод. Видимо то, что было заложено в раннем детстве, когда мама была еще Валечкой и большой сильный папа подбрасывал малышку к потолку, остались в глубинах памяти.

Существует красивая легенда: хазарские женщины в случае смерти мужа получали по одной подушке, чтобы хранить в ней слезы.

У Валечки тоже была такая подушка, в которой она хранила свои слезы. Через некоторое время Валентина Семеновна выбросила подушку в мусорный контейнер, чтобы навсегда избавиться от наивной девочки Валечки и своего не умершего мужа.

В тот день она нарисовала картину. Впервые за последние годы не красками. Карандашом. Старое мертвое дерево. Рисовала неистово, ничего не замечая вокруг. Ни сгустившихся сумерек. Ни ревушую Иришку на полу.

Когда были сделаны последние штрихи, Валечки больше не было.

На следующий день она пошла устраиваться на работу.

Все оказалось намного сложнее, чем ожидалось. Кому нужен дипломированный художник? Мечты о свободном творчестве не могли принести деньги для жизни. Нужно было имя и вес в определенных кругах.

У Вадима было имя и вес. Поэтому он мог обеспечить их безбедное существование. Проданные картины давали возможность не думать о хлебе насущном. Картины Вадима ценились дорого. А как же иначе – ведь он гений. Об этом твердили коллеги, критики, покупатели. В это верил он сам.

Это же и разлучило его с Валечкой. Признанный гений должен жить в столице. Но даже Гений в искусстве не мог понять простую истину – в Москве хватало своих гениев. А он был интересен как самородок из глубинки, провинциал из города N. Валечка это понимала. Поэтому и не поехала с ним в Москву. Надеялась, что вернется.

– Валентина Семеновна, у вас сегодня День рождения?

Наивная и счастливая девочка. Она еще считает день рождения самым счастливым днем в году. Только с годами начинаешь понимать, что не слишком приятно добавлять к своему возрасту по единичке. А они набегают, набегают и с каждым годом становятся все тяжелее.

– Да!

День Рождения Новой жизни.

Девочка убежала разносить по школе новость, надеясь, что в такой день училка не будет зверствовать.

Валентина Семеновна знала о своей репутации среди учеников. Учителя, так называемых не основных предметов – особая категория. Если хочешь сохранить порядок на уроках – заставь себя бояться. Вначале своей работы Валентина Семеновна еще была доброй. Молоденькая учительница была другом для своих учеников. К ней несли свои тайны, просили совета. Но первые ученики выросли. Валентина Семеновна постарела и очерствела. Со своими бы проблема-

ми разобраться, а не в чужих копать. Оставалось только быть мегерой, чтобы поддержать порядок на уроках. Порядок и дисциплина. Любовь ушла. Дети это чувствовали и становились еще невыносимее. Они звали ее «кисточкой». Ведь каждый урок она начинала словами:

«Кисточки у всех есть?»

А затем объявляла очередную тему очередного урока. Каждый раз, из года в год. Ее раздражали детские неумелые рисунки. Нет, неумение рисовать она бы простила. Но наплевательское отношение к ним нет. В рисунках не было души. Была отрисовка и боязнь получить плохую оценку.

«Валентина Семеновна! У вас нет подхода к детям. Вы не можете их заинтересовать» – Алла Ивановна, директор школы, не раз начинала этот разговор.

«Программу я выполняю»

Да, она работала строго по школьной программе. Дети рисовали натюрморты и пейзажи. Но в них не было творчества. Потому что не было души. Как все эти последние годы не было души у Валентины Семеновны.

А у Валечки она была. Поэтому картины были радостные. Хотя и примитивные.

Ярко-васильковое платье вызвало тишину в учительской. Все внимание было переключено на Валентину Семеновну. Вернее, на ее непривычный наряд. Кто-то отпустил компли-

менты, кто-то с нетерпением стал ждать реакции Аллы Ивановны. В коллективе не любили выскочек. Но Валентину Семеновну сегодня совершенно не волновало мнение директора. Это ее праздник и никому до этого дела нет. Тем более здесь, на работе. Новая жизнь с ней никаким образом не связана. Работа работой, а Новая жизнь отдельно.

Валентина Семеновна знала, что после уроков она пойдет в кафе. В самое лучшее кафе города. Закажет ароматный кофе и целых три пирожных.

Валечка любила пирожные, особенно эклеры и наполеоны. Вадим знал эту ее слабость и часто баловал ее. Валечка смеялась:

«Ты хочешь, чтобы я стала толстой теткой?»

«Для меня ты всегда будешь самой любимой и красивой, даже если станешь толстой»

Она ему верила. Верила, что он будет любить ее и толстой. Потому что любила сама.

Толстой она стала позже, когда уже никто не приносил пирожные. Сама себе Валентина Семеновна их не покупала. Надо было растить дочь, ей покупать пирожные. На двоих не хватало. А потом просто отвыкла, забыла их вкус, запрятала в глубинах памяти, как что-то запретное. Боялась, что они причинят ей боль воспоминаниями о том, о чем помнить нельзя.

В Новой жизни у нее будут пирожные. Никак воспомина-

ния, а как что-то совершенно новое. Валентина Семеновна собиралась съесть пирожное как первый раз в жизни.

И кофе закажет себе двойной, крепкий, без сахара. Чтобы аромат опьянил, задурманил.

Разве можно назвать кофе тот растворимый суррогат с двумя ложками сахара, что она пьет по утрам. Приторно сладкий и совсем не ароматный. Сладким кофе она старалась засластить свою жизнь. Хотя, скорее всего, Валентина Семеновна об этом не думала. Просто так привыкла.

«Слушай меня, девочка, и запоминай. Сварить настоящий кофе – это тебе не тарарам. Это настоящее искусство»

Голос Вадима наполнен торжественными нотками. Валечка прыскает от смеха. Это их первое совместное утро. Счастье не может уместиться в ней и желает вылиться в виде смеха. Но Вадим серьезен.

«Варить его надо с душой. Только тогда сможешь ощутить его магию. Я тебя научу»

Валечка учиться не хочет. Ей нравится, как варит кофе Вадим. Он его и варил. До последнего дня.

Потом Вадима не стало. Зато появилась банка растворимого кофе, для заваривания которого не надо было никакой магии, а лишь кипяток и сахар. Просто и быстро. Без запаха, без вкуса и... без воспоминаний.

После кафе Валентина Семеновна пойдет по магазинам.

По самым дорогим и модным. Она обязательно себе что-нибудь купит. Яркое, кричащее. И хотя она прекрасно понимает, что на работу такое не оденет. Ведь не каждый же день будет День рождения Новой жизни. Но она будет знать, что такой наряд у нее есть. И когда она захочет, всегда может одеть. В Новой жизни она не будет вечерами сидеть дома.

Выбрать что-то на ее фигуру будет не просто. Но Валентине Семеновне спешить никуда не надо. Она обойдет много-много магазинов. И обязательно найдет то, что ей подойдет. А продавщица, милая девушка, округлит свои ярко накрашенные глаза и скажет:

«Вам очень к лицу это платье. Вы в нем даже моложе выглядите»

А Валечка, выбирая наряды, хотела казаться старше. В той жизни проблема выбора тоже была большой. Прилавки были пусты. Тогда это называлось не «купить», а «достать». Вадим умел «достать». И не где-нибудь, а в Москве. А раз в Москве – значит очень хорошее.

Один раз они поехали в Москву вместе, и Вадим повел ее в «Березку». Это было потрясением для Валечки, шоком. Друг Вадима, тоже художник, у которого они остановились переночевать, и который устроил им поход в этот закрытый мир, строго – настрого приказал никому не рассказывать. Это была тайна, запретная зона, без права входа простым смертным. Валечка никому и не рассказала. От этого похода в сказку у нее осталось платье. Кримпленовое. Ужасно мод-

ное и дорогое. Красное с большими букетами белых ромашек.

Потом родилась Иришка, и Валечка в Москву с Вадимом больше не ездила. Он сам привозил ей наряды. Всегда очень красивые. Вадим прекрасно знал ее вкусы, а она доверяла ему.

В Москве Валентина Семеновна больше никогда не была. Она не могла вступить в тот город, где затерялся Вадим. Этот город она ненавидела.

В Новой жизни Валентина Семеновна обязательно поедет в Москву. Скоро. На зимних каникулах. Она знала, что Москва ждет ее. Ждет своими театрами, музеями, выставками. Валентина Семеновна забыла их мистическое обаяние, вкус. Забыла внутреннюю дрожь от прекрасного.

Валентина Семеновна много лет не общалась с миром искусства. Вначале старые друзья звонили Валечке, приглашали на свои сборища, пытались вытащить из созданного ею самой кокона. Она отказывалась, потом не отвечала на звонки, не открывала двери. Со временем ее оставили в покое. Она для них умерла. Друзья вздохнули с облегчением. И забыли.

Через несколько лет она встретилась с одним другом из прошлой жизни. Но к тому времени Валечки больше не было. А Валентине Семеновне говорить с ним было не о чем. Он пытался узнать о ее жизни, предлагал помощь.

Она отказалась. Валентине Семеновне помощь была не нужна. Она была сильной женщиной.

После этой встречи ее несколько дней мучила тупая боль. Прошрое пыталось возродиться. А, как и любое рождение, возрождение прошлого очень мучительно. Валентина Семеновна не хотела больше боли. Она выбросила ее вместе с подушкой.

Боль приходила еще не раз. Вместе с письмами. Обыкновенный конверт, обыкновенная марка, обыкновенный размашистый почерк сейчас уже чужого, умершего для нее мужчины. Их было пять. Валентина Семеновна писем не вскрывала. Сжигала. Чтобы не осталось и следа. Но боль пыталась влезть в нее. Нагло. Вместе с запахом сгоревшей бумаги. Она ее не впустила.

Тогда Валентина Семеновна уже начала толстеть. Обратная лишними килограммами, она запаковывала свою душу. Натянутая струна погружалась в мягкую оболочку.

Больше боли не было. Было тяжело, трудно. Но боли не было. Она защитилась от нее. Но не забыла.

В этот день у Валентины Семеновны по расписанию было три урока. Два в пятых классах и один в шестом. Еще по дороге в школу она решила, что сегодня не будет никаких обязательных тем, никаких навязанных идей. Сегодня будет

сказка.

Валентина Семеновна вошла в класс и улыбнулась. И дети вдруг увидели, что Кисточка не такая уж и страшная, а даже симпатичная в своем ярко-васильковом платье. И голос у нее не каркающий, а вполне нормальный. Жаль только, что день рождения бывает только раз в году.

– Сегодня я вам расскажу сказку. О маленькой девочке, у которой была мечта. Она хотела иметь лошадку. Маленькую – маленькую. Еще меньше пони. Но чтобы обязательно живую, смешно цокающую копытами. Тоже маленькими.

Но мама и папа не могли купить такую лошадку. В их городе таких маленьких лошадок не продавали. Продавали больших, которые могли пахать землю, которые могли возить телеги и кареты. От которых была какая-то польза. А какая польза от маленьких лошадок? Никакой. Маленькие лошадки никому были не нужны. Поэтому их и не продавали.

Маленькая лошадка нужна была только девочке. Она мечтала о ней. Она снилась ей во сне. И девочка решила, что она у нее будет.

Мама с папой говорили:

– Наверное, таких лошадок и не бывает. Если их не продают в нашем городе, значит их нет вообще.

Но девочка верила, что такая лошадка есть. Она пошла в библиотеку, взяла самую большую книгу, в которой написано про все-все на свете, и прочитала, что такая маленькая

лошадка есть у страшного Великана, который живет в Пещере за Дремучим лесом.

И девочка решила идти к Великану и просить у него маленькую лошадку.

Никому об этом она не сказала. Ведь тогда бы ее никто не отпустил. В Дремучий лес маленьким девочкам ходить нельзя. Там поджидают их страшные опасности.

Но девочка мечтала о маленькой лошадке, и она пошла через Дремучий лес. Ей было страшно. Толстые ветки деревьев цеплялись за платье, бегали дикие звери, ухали филины. Лес был полон ужаса. Но девочка смело шла вперед. Только так она могла получить свою лошадку.

И Дремучий лес отступил. Девочка подошла к Пещере Великана. Об этом Великане ходили страшные истории. Он очень любил маленьких девочек. Кушать. Но и его не испугалась наша девочка. Она улыбнулась и попросила у него маленькую лошадку.

«Ты что, девочка, не боишься меня?»

«Очень боюсь. Но еще больше хочу маленькую лошадку»

Великану понравились правдивые слова девочки, и он подарил ей маленькую лошадку. Девочка взяла ее на руки и принесла домой. И была очень счастлива, что у нее есть лошадка. Ведь это была ее мечта, а люди всегда счастливы, когда мечты сбываются. А для этого надо было потрудиться: пройти через Дремучий лес, не испугаться страшного Великана.

Ученики смотрели на Валентину Семеновну и удивлялись. Никогда не рассказывала она им сказки.

– У каждого из вас есть мечта. Нарисуйте ее и подумайте, что вы делаете сами, чтобы она исполнилась.

Валентина Семеновна смотрела на склоненные над бумагой головы. В детстве у каждого есть мечта. Пускай смешная, по мнению взрослых. Но она есть. И именно она помогает им жить.

Не надо им знать, что вскоре маленькая лошадка надоела девочке. У нее появилась другая мечта. А маленькая лошадка бродила среди города, никому не нужная. И ей было очень больно. Об этом они поймут с годами.

Поймут, что одной мечтой жить нельзя. Надо мир принимать таким, какой он есть. Не выдумывать свой собственный, чтобы потом выплакивать его в подушку. И через много лет не решать начать Новую жизнь, как она.

Валентина Семеновна видела, что Иришка что-то хочет ей сказать. Она всегда это чувствовала. С самого детства.

– Мама, когда ты начнешь нормально жить? Когда прекратится твоя нескончаемая круговерть: дом – школа – дом? Ты же интересная женщина. А все время одна. Ни интересов никаких, ни подруг.

– У меня есть ты, Артемка. Что за ерунду ты говоришь?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Ты двадцать

лет одна. Я не в счет. Я замужем и у меня своя семья.

– Но я же вам нужна?

– Конечно. Но тебе надо подумать о себе, начать жить по-новому.

– Меня вполне устраивает моя жизнь. Тоже что придумала.

Валентина Семеновна испугалась. Сейчас что-то произойдет. Что-то страшное. Внутри все сжалось. Хотелось закричать:

«Молчи! Ничего не говори!»

Она боялась боли.

Но Иришка заговорила:

– Я тебе об этом никогда не говорила. А сейчас решила. Когда мне было семнадцать, я решила узнать об отце. Ты же мне никогда не рассказывала о нем. Это была запретная тема. А я всю жизнь хотела о нем знать. Он же мой отец. И я нашла его знакомых. Сама. Мама, ты хочешь узнать, что с ним стало?

– Нет! Нет! – шепчут губы. Сейчас придет боль.

Но Иришка не умолкает. Что это? Жестокость? Зачем она хочет сделать ей больно?

Она рассказывает, что живет он по-прежнему в Москве. Знаменитым художником так и не стал. Работает, как и она, в школе учителем рисования. Был женат, есть сын. Но с женой развелся.

Слова текут медленно, проходят через Валентину Семе-

новну. И вдруг она замечает, что они не несут никакой боли. Боли нет. А есть просто интерес. Интерес к жизни когда-то близкого ей человека. Человека, о котором она не слышала много лет, не знала где он, что с ним, как живет. Но вдруг оказалось, что человек-то для нее по большому счету чужой. А интерес, так, поверхностный.

Боль не пришла и после ухода Иришки. И Валентина Семеновна поняла, что она излечилась от нее. Можно начинать жить по-новому. Жизнь только начинается. Новая жизнь. Жизнь для себя. Она так много упустила, так много потеряла. Двадцать лет – большой срок. Но жизнь не кончилась. Она еще ой-ой что сможет. Все еще впереди. Она обязательно встретится со старыми подругами, заведет новых. Купит краски и этюдник. Выедет на природу.

И не будет бояться. Бояться боли. В Новой жизни боли не будет.

Дверь открыла Иришка.

– Давай, собирайся скорее. Еще успеешь на свою презентацию.

– Ты же занята сегодня.

– Конечно. У нас дела с Артемкой. Правда?

Валентина Семеновна подхватила на руки притопавшего из комнаты внука.

– Мы с Артемкой пойдем в магазин покупать самую боль-

шую машину. А потом в кафе – есть пирожные.

– Мама, ему еще нельзя есть пирожные, вредно.

– Пирожные полезны в любом возрасте. Правда, Артем?

Артемка в восхищении прижался к груди в ярко-васильковом платье.

Синдром одиночества

Маргарите стали сниться эротические сны. Когда тебе почти сорок, а ты во сне начинаешь выделять такие штучки, что «Playboy» отдыхает, тут есть о чем задуматься. Маргарита задумалась и поняла, что одна с проблемой не разберется. Ладно бы один раз приснилось, а тут... Надо было к кому-то обратиться за помощью. Лучшей кандидатуры, чем Лариса не было.

В студенческие годы они дружили. Даже по распределению постарались попасть в одну контору. Потом Лариска выскочила замуж, нарожала мужу детей, и дружба их сошла на нет. Лариска растила детей и кормила мужа, а Маргарита делала карьеру. Но общаться на работе они продолжали.

В последнее время Лариска увлеклась разного вида гаданиями. Причины проблем с непутевым мужем и непослушными детьми старалась объяснить с точки зрения астрологии, хиромантии и тому подобных штучек. Сны разгадывала по большой книге, которая всегда была у нее под рукой, закрытая среди бумаг. Чтобы начальница не видела. Начальницей была Маргарита и о существовании сонника знала. Как любая хорошая начальница она была в курсе дел своих сотрудников. Весь отдел бегал к Лариске за советами.

Маргарита долго мучилась, прежде чем решилась на разговор с Ларисой. Она никогда никому не рассказывала о своих проблемах. Считала их личным делом и осуждала тех, кто выносил свой мусор на обозрение. Но с эротическими снами надо было что-то делать, и она рассказала о них Ларисе.

Та ответила по-простому:

– Мужика тебе надо. Тут и в сонник не смотри. Хорошего мужика. Который оттрахал бы тебя так, чтоб за ушами пищало.

– Ну, ты даешь, Лариса. Где ж я такого найду? – в голове у Маргариты даже мысли такой не возникало.

– Мало ли мужиков. Постарайся и найдешь. Давно я тебе говорю – давай гороскоп составлю, и сразу увидим какой мужчина тебе надо.

– Не надо мне гороскопа. Не верю я в эту ерунду, – сказала Маргарита.

– Ну, тогда делай, как знаешь. А о сексе, хорошем здоровом сексе подумай. В нашем возрасте это очень важно. Для здоровья.

Маргарита не хотела об этом думать. На работе, среди дел и забот, это удавалось. Но, придя домой, в пустую квартиру избавиться от ненужных мыслей уже не могла. Образ крепкого мужика преследовала ее постоянно: и когда жи-

нала, и когда смотрела телевизор, и когда ложилась спать. Маргарита стеснялась сама себя. За всю жизнь она привыкла не допускать таких мыслей в голову и очень гордилась собой, что она никакая-нибудь пустышка, у которой одни мужики на уме. Она серьезная женщина. Хотя и одинокая, но вполне самостоятельная, умеющая обеспечить себя.

Мужчин в ее жизни почти не было. Пара мимолетных связей, которые не принесли никакого удовлетворения и закончились вполне безболезненно.

А сейчас неприличные мысли не вылезали из головы. Вот их она считала не нормальными. Но, хорошо поразмыслив, пришла к выводу, что Лариса все-таки права. Эротические сны не означают ничего другого, как физиологической потребности организма.

Вопрос о том, где найти партнера по сексу мучил ее несколько дней. На работе кандидатов не было, вне работы тоже. Не на улице же знакомиться. Не тот возраст. Да уже никто к ней на улице и не приставал. Разве что какие-нибудь пьяные, не способные различить и мать родную.

Решение проблемы нашлось в местной газете. За завтраком, просматривая последние городские новости, Маргарита наткнулась на объявление фирмы «Наслаждение», которая

предлагала женщинам приятно провести время в обществе интеллигентных мужчин.

«А почему бы и нет, – подумала Маргарита. – Все равно другого способа познакомиться с мужчиной я не знаю». Адреса фирмы в газете не было, только номер телефона, которым Маргарита и воспользовалась в свой обеденный перерыв.

Хорошо поставленный молодой секретарский голос (сколько их слышала Маргарита в своей жизни) объяснил, что для заключения договора об услугах необходимо подъехать к ним на фирму лично, и продиктовал адрес.

Можно еще было отступить. Наплевать на все заморочки женского организма и жить дальше так хорошо налаженной жизнью.

«Слава богу, дожила. Готова воспользоваться услугами мальчиков по вызову. Ни на что больше не годная», – гадкие мысли лезли в голову.

Маргарита старалась их прогнать, чтоб не стать противной самой себе. Успокаивала себя тем, что к данной ситуации надо отнестись по-философски, как к медицинской процедуре, как к неизбежной необходимости.

«Ну получу свою долю секса, успокою взбесившиеся гормоны и буду жить дальше без всяких эротических снов».

Фирма «Наслаждение» располагалась на первом этаже обыкновенного многоквартирного дома. Подъезд не блистал чистотой. Зато офис был супер. Под стать ему и девушка, которая встретила Маргариту приветливой улыбкой. Видимо фирма процветала, если могла позволить себе содержать такую девочку. Это немного успокоило Маргариту, нервы которой были на взводе. «Если фирма процветает, значит ни одна я такая... ущербная», – нашла для себя слово Маргарита.

Девушка усадила Маргариту в мягкое кресло, а сама села напротив.

– Вы не волнуйтесь, – успокоила она. – К нам многие обращаются. В этом нет ничего зазорного.

– Да я и не волнуюсь. Просто очень непривычно. И я не знаю с чего начать.

– Давайте тогда я вам помогу. Наша фирма предоставляет услуги для разных случаев жизни. У нас есть мужчины, – как понаписанному говорила девушка, – которые могут составить вам компанию на светских приемах или поддержать на деловой встрече, сопровождать в поездках или просто помогут приятно провести вечер. Что вас интересует?

– Ну, наверное, просто приятно провести вечер, – и поду-

мав, добавила, – со всеми последующими удовольствиями.

Это было трудно сказать, но отступить было поздно. Раз уж она оказалась здесь – надо идти до конца.

Девушка внимательно посмотрела на Маргариту, но что ей понравилось, в ее взгляде не было ни грамма насмешки.

– Да, это тоже возможно. Наша фирма оказывает и такие услуги.

Маргарита возблагодарила бога, что попала по адресу и не надо больше искать ничего другого.

Девушка продолжала:

– У нас имеются альбомы с фотографиями наших сотрудников, с которыми вы можете ознакомиться и выбрать для себя подходящего.

Это было уже слишком. Нестерпимо хотелось уйти от этой милой девушки со слишком понимающим взглядом.

– А нельзя бы без этого. Мне, в принципе, все равно.

– Хорошо, – девушка была само понимание. – Давайте оформим договор и обговорим детали.

Это уже было по-деловому и для Маргариты понятно.

«Да, за такие деньги можно и процветать», – с такими мыслями Маргарита покинула фирму.

К назначенному времени субботнего вечера Маргарита была готова. Она была готова даже задолго до этого времени. Никогда Маргарита не призналась бы даже себе, что волну-

ется как девчонка перед первым свиданием. Но что-то в душе, или где там еще, трепыхало. Собираться на свидание, пусть даже и такое, ненастоящее, оказалось приятно.

Когда раздался звонок в дверь, Маргарита досчитала до десяти, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться, и открыла дверь.

Мужчина не произвел никакого впечатления. Где-то под сорок. Обыкновенный мужчина, которых тысячи проходят по улицам города, и на которых не обращаешь никакого внимания. Никакой. Маргарита пожалела, что не просмотрела предложенных в фирме альбомов. Сама бы она выбрала поинтересней. Но изменить уже ничего было нельзя.

– Здравствуйте, Маргарита, – сказал мужчина. – Меня зовут Антон.

Голос был приятный, немного с хрипотцой. И имя не обычно избитое. Такое располагающее к себе имя. Имя Маргарите понравилось.

План «мероприятия» был подробно обсужден в фирме. За все было уплачено. Оставалось только наслаждаться.

Ужин в ресторане прошел очень мило. Антон был приятным собеседником. Оказалось, что у них очень много об-

щего. Им нравились одинаковые фильмы, книги, музыка. Маргарита расслабилась и получала истинное удовольствие от общения с Антоном. Его шутки не казались неуместными и плоскими. Даже анекдоты были рассказаны к месту.

Маргарита не заметила, как начала рассказывать о себе, что ее очень удивило. Никогда бы не поверила, что сможет открыть душу незнакомому еще пару часов назад человеку. Антон не казался чужим. Незаметно он стал очень близким для нее.

Она верила, что это все по-настоящему: и тихая музыка, и нежные поглаживания по руке, и глаза в глаза. Вокруг – никого. Только Он и Она. Все было так замечательно...

Великолепно... Взлет и падение. Водоворот чувств. Такси. Нескончаемый подъем лифта. Поиски единственных в мире губ. Непопадающий ключ в замок. Страстно... Как в тех снах. Даже еще лучше. Шепот: «Ты моя королева Марго». В ответ: «Мне так хорошо». Растворение. Замирание. Бешеная гонка. Ниагарский водопад.

Когда ходики на стене пробили двенадцать, Антон нежно поцеловал Маргариту в плечо и встал.

– Ты уходишь?

– Да.

– Останься.

– Не могу.

Слова высохли, как когда-то давно слезы. Осталась пустота.

– Закрой за мной дверь и отдыхай.

Маргарита накинула халат и подошла к двери.

– Мы еще увидимся?

Попытка удержать сказку. Никому не нужная попытка.

– Ты знаешь, где меня найти. Всегда готов к услугам.

Маргарита закрыла дверь, когда Антон нажимал кнопку лифта. Он даже не оглянулся. Профессионал.

Чай с мелиссой

Моя подруга Галина решила сходить к гадалке. Вообще-то Галка – девушка здравомыслящая. Даже слишком. До сих пор ни в магию, ни в колдунов не верила. Даже фантастику за литературу не считала. «Плодом воспаленного мозга» называла. Она и меня учила жить в реальном мире, не предаваться пустым мечтаниям.

А тут узнать свою судьбу стало для нее навязчивой идеей. Меня она уговаривала целую неделю. Звонила каждый вечер и с надеждой в голосе спрашивала:

– Ну что, созрела?

Я никак не созревала. Мне это было совсем не интересно. На ближайшее десятилетие свою судьбу я уж точно знаю.

Дама я замужняя. Браком своим довольна, и никаких перемен в жизни не ожидаю.

Конечно, Галку понять можно. Ей надо было судьбу устраивать. Недавно она пережила третий развод. Избавилась, наконец-то, от своего гада ползучего, а нового пока не нашла.

Галка – человек хороший, отзывчивый. Но у нее имеется один пунктик. Она не может жить одна, без твердого надежного мужского плеча. Без него у Галины начинается де-

прессия. А так как мужское плечо пропадает из ее жизни довольно-таки часто, то депрессии приходят с той же регулярностью.

Тогда наступает моя очередь вступать в действие, подставлять свое, не такое уж твердое, но зато надежное плечо. Я бросаю все дела, оставляю детей на мужа и бегу спасать Галку.

Из-за частоты повторения спасение Галины представляет собой хорошо отрепетированный спектакль.

Галка лежит на диване и умирает от горя. В мои обязанности входит вытирать слезы, варить кофе и выслушивать истории о том, каким неблагодарным оказался человек, на которого она потратила лучшие годы, месяцы, дни. Это зависит от длительности присутствия «гада» в Галкиной жизни.

Просидев с подругой всю ночь, выпив ведро кофе и пролив такое же количество слез, – она от горя, а я от жалости к ней – не выспавшаяся и злая я иду на работу. По сценарию мне следует звонить каждый час и узнавать о ее самочувствии.

Дома я битых два часа успокаиваю ее по телефону.

После этого наступает второй акт действия.

Галка, чтобы не погибнуть в одиночестве, каждый день после работы приходит ко мне, где мы опять пьем литрами кофе. Как-то она попыталась найти сочувствие у моего мужа, но он молча ушел смотреть телевизор. Утвердившись в своем мнении, что все мужчины бесчувственные сволочи, Галка тогда опять переключалась на меня.

К третьему акту мы обычно приближались изрядно измученными, но успокоенными. Я с остервенением начинала заниматься запущенным домом, мужем и детьми, а Галка строить планы по поиску нового твердого надежного мужского плеча.

Вот именно в этот момент ей и пришла в голову мысль обратиться к гадалке, а меня она туда звала за компанию.

Ну что для друзей не сделаешь? И я согласилась.

Мужу я об этом ничего не сказала. Только представила его реакцию, и мне стало немного грустно. Да ладно. Я же только схожу с Галкой вместе. А гадать я совсем не собираюсь. О чем мне гадать? О любви? Муж у меня очень хороший, и я его люблю. О детях? Есть двое, и не приносят никаких проблем. О богатстве? Слава богу, не жалуемся. В роскоши, конечно, не купаемся. Но на жизнь хватает.

Вот с такими мыслями я и отправилась.

Жила гадалка в обычной пятиэтажке в спальном районе. Мы поднялись на третий этаж, и Галка позвонила в дверь.

Я не совсем представляла себе, как должна выглядеть гадалка. Наверное, что-нибудь цыганское, загадочное. А дверь открыла невысокая миловидная блондинка с короткой стрижкой в узеньких джинсах и обтягивающей водолазке. С первого взгляда девчонка девчонкой. Но более пристальный взгляд обнаруживал на ее лице следы прожитых лет.

Вот тебе раз. Никаких длинных юбок, серег кольцами в ушах. Так что гадалка не произвела на меня никакого впечатления. Встретишь такую на улице и не обратишь внимания.

– Проходите и, пожалуйста, не разувайтесь. Терпеть этого не могу, – сказала она и провела нас в комнату.

В комнате полно книг. Они были повсюду: в секции, на столе и, даже, на полу. Я, как человек к литературе неравнодушный, оценила это по достоинству и сразу зауважала хозяйку. Терпеть не могу дома, где секции заставлены хрусталем и сервизами, которыми никогда не пользуются. Ах, фарфор! Ах, богемское стекло! А сами едят из тарелок с отколотыми краями.

У меня самой много книг, но до такого богатства далеко. Глаза у меня загорелись, ноги затряслись, а руки сами потянулись к книгам.

– Располагайтесь, я сейчас чай приготовлю.

– Нет, спасибо. Мы тут не за этим, – Галке не терпелось поскорее узнать свою судьбу.

– А я не вам предлагаю, а вашей подруге. А с вами мы пойдем, поработаем.

Интересно, как она узнала, что это Галина пришла гадать, а не я. Да, ладно. На то она и гадалка, чтобы угадывать. Пусть работают, а я тут посижу в кресле, книжки полистаю. Нет для меня большего удовольствия.

Чай оказался ароматным и необычным на вкус.

– Это мята, – сказала гадалка. – Всем женщинам обязательно надо пить чай с мятой. Он делает их привлекательными. Это женский чай.

– Почему? Я так больше кофе люблю, – сказала я.

– Кофе – мертвый напиток. Слишком большую обработку проходит. А травяной чай – красоту и здоровье дает. Живой он. Особенно, если собран собственными руками, для себя.

Чай был хорош, и я не стала спорить с хозяйкой.

Что ей нагадала гадалка, Галина мне не сказала.

– Ну что там? Рассказывай быстрее, – был мой первый вопрос, когда мы вышли на улицу.

Я сгорала от любопытства. А Галина отказалась рассказать. Ей гадалка запретила. Сказала, что если расскажет кому-нибудь, то ничего не исполнится. Я обиделась на них. На гадалку, конечно, больше. Я же видела, как подруга страдает. Молчать для нее – самое страшное наказание. А тут она проявила чудеса стойкости.

Эти чудеса стойкости мне не понравились. С Галиной что-то случилось. Перестала ко мне забегать. Да что там забегать, даже не звонила несколько дней. Муж нарадоваться не мог. А у меня беспокойно на душе. Может, какой сглаз на нее гадалка наложила? С них станется. Недаром мне так идти туда не хотелось.

На третий день я не выдержала, позвонила. А она мне по телефону:

– Я все поняла. Неправильно я жила. Надо кончать с такой жизнью.

Ну, все. Я и обомлела. От этих гаданий Галка о суициде подумывает.

– Галочка, я к тебе сейчас приеду. Кофе попьем. Поговорим.

– Нет, спасибо. Мне одной надо побыть, проститься со всем и решиться, – и трубку положила.

Не могла я допустить, чтобы моя лучшая подруга в расцвете лет погибла. Решила я поехать к гадалке, чтобы она с нее все сглазы сняла. Решительно так настроилась и поехала.

Найти дом оказалось труднее, чем я думала. В прошлый раз меня Галина туда вела. Что тут поделаешь: плохо у меня с ориентацией в пространстве. Могу заблудиться на собственной улице. А тут чужой район. Но дом все-таки нашла.

Поднялась на третий этаж. Гадалка оказалась дома. Все в тех же брючках. Очень меня они разозлили. Прикидывается обыкновенным человеком, а сама сглазы накладывает. Была бы в цветастых юбках, так еще понять можно.

Я сразу с порога и накинулась на нее:

– Что вы с моей подругой сделали?

Она спокойно сказала:

– Проходите. В комнате поговорим.

Я зашла. Даже не испугалась, что и на меня сглаз может наложить. Не о себе думала, о подруге.

Книги меня немного успокоили, привели в чувство, даже сомнение зародили. Не может человек, любящий литературу, быть плохим.

– Ну что у вас с подругой случилось?

– Умереть хочет. Что вы ей такого нагадали?

– Как умереть? – гадалка заволновалась.

– А вот так. Неправильно, говорит, я жила. И еще, что надо кончать с такой жизнью.

Гадалка немного успокоилась:

– Правильно, так я ей и сказала.

Я даже с кресла вскочила:

– Как правильно? Вы ее что, к смерти подталкивали? Я сейчас милицию позову.

И плевала я на книги. Видимо она так народ обманывает, в заблуждение вводит своей любовью к книгам.

– Подождите, успокойтесь. Давайте нормально поговорим. А то криком ничего не решиться.

Поговорим, так поговорим. Но на меня ее магические штучки не действуют. Не на ту напала.

Я так и сказала:

– Вашим гаданиям я не верю. Милицию не вызову только в том случае, если вы мне докажете свою невиновность.

– Ну, хорошо.

Гадалка встала с кресла и подошла к секции, что-то достала.

– Вот, смотрите, это диплом об окончании университета. Я – дипломированный психолог. Причем, хороший психолог, а не гадалка.

– Как не гадалка? А зачем же вы людей обманываете? Вот и Галину обманули. Она же поверила. Даже с жизнью кон-

чать хочет.

– Да не хочет. Успокойтесь вы. И послушайте меня.

Гадалка села напротив меня. Немного помолчала, а потом спросила:

– Вот лично вы пошли бы на прием к психологу, если бы у вас возникли проблемы в жизни?

– Не знаю... Не думала об этом.

– Скорее всего не пошли. Стали бы совета у друзей просить или к гадалке обратились бы.

Я подумала и пришла к выводу, что она права. Не привыкли мы к психологам ходить. Сразу в голове возникает ассоциация со словом «псих». А кто же им себя считает? К гадалке как-то привычнее. Та карты разложила и всю правду доложила. А психолог будет в душе копать, всю грязь выворачивать. Не каждый на такое согласится.

– Вот и приходится работать гадалкой. Названия разные, а смысл один: помогать людям. Я ведь тоже не сразу гадалкой стала. Работала в лаборатории, собиралась диссертацию защищать, опыт накопила большой. Только никому он не нужен оказался. Как закрыли лабораторию, пришлось искать способ выживания.

С ней-то понятно. Каждый выкручивается, как может. Я тоже «левые» расчеты дома делаю. Но меня больше волновала Галка. Как с ней быть?

– А что вы, такая опытная и умная, Галке насоветовали,

что жизни она себя лишиться хочет?

Гадалка улыбнулась:

– Кто вам такое сказал?

Ну, здравствуйте, о чем я тут толкую столько времени?

– Не надо все понимать буквально. Вы поверили в то, что сами придумали. Вашей подруге я посоветовала только изменить образ жизни. Эта проблема очень многих одиноких женщин. Стандартный вариант. Они сами создают свою жизнь своими мыслями. Страх одиночества притягивает одиночество. Изменишься сам – изменится жизнь. На этом и основано мое «гадание». Я же специалист. Умею разговорить человека. Он сам и рассказывает, что ему надо в жизни. А остальное – показуха. Карты нужны только для создания антуража. Главное в моей работе ненавязчиво направить действия клиента в нужное русло. А дальше – судьба в его руках. Так-то. Вот я вам и выложила все свои тайны.

Чай будете?

Я вспомнила ароматный вкус чая с мятой и согласилась.

Назавтра Галка пришла ко мне.

– Знаешь, – сказала она, когда мы расположились на кухне, и я стала заваривать чай. – Я все поняла. Неправильно я жила. Главным в моей жизни было найти мужчину. Чтобы как у всех. Чтобы не считали меня ущербной. Не замечала, что и была я ущербной от неумения жить одной. Чего я

добилась в жизни? Даже институт не закончила. Интересов никаких не осталось. Вся жизнь – поиск мужа, а потом растворение в нем. Зато и уходили они от меня. Неинтересно им со мной было.

Бедная моя Галочка. У меня слезы на глазах навернулись.

– Да не расстраивайся ты так. Все у меня хорошо будет. Займусь собой, на йогу пойду или на курсы какие. Себя надо полюбить. А там и меня кто-нибудь полюбит.

Галка отхлебнула горячий чай:

– Вкусный какой.

– Да, с мялиссой. С сегоднйшнего дня будем пить только чай.

– А хочешь я расскажу, что мне гадалка нагадала?

Я улыбноулась и сказала:

– Не надо. А то еще не сбудетсй.

Друг детства

Валерка – мой друг детства.

Мы с ним выросли в одной песочнице. Делили на двоих незатейливые игрушки и разбивали друг другу носы, когда игрушки не делились. Даже противно – визжащее «Тили – тили тесто...» не смогло испортить нашей дружбы.

Когда я в шестом классе впервые безответно влюбилась, Валерка успокаивал меня и старательно доказывал, что мой старшеклассник дурак и зазнайка. Я ему поверила. Я всегда верила Валерке.

Поэтому и знакомила его со своими кавалерами. А на следующий день бежала к нему, чтобы узнать мнение. Чаще всего наши мнения совпадали.

С Игорем я познакомилась летом. Был сдан последний экзамен за второй курс по непонятной философии. В голове еще сидели, так и не принятые близко к сердцу, законы диалектики, а душа требовала свободы. Выезд всей группой на дачу к однокурснице был первым шагом к ней. Море пива, белого вина и горы шашлыков сделали свое дело. Мы стали свободными и расслабленными. В этот момент в нашей уже теплой компании появился незнакомый красавец. Кто его пригласил – так и осталось для меня загадкой. Я полюбила Игоря с первого взгляда. В сентябре мы решили поже-

ниться.

На нашу свадьбу Валерка не пришел. У него началась гнойная ангина.

Зато первым прибежал в роддом, когда я, извиваясь и визжа от боли, только – только готовилась стать матерью. А злая акушерка, наслышавшаяся за свой век и не такого, грубо меня отчитывала:

– Ну что орешь как резанная? Своего испугаешь – любить перестанет. Вон, какой час околачивается под окнами.

Мой околачиваться под окнами не мог. В этот день Игорь был в командировке и пришел в роддом только после того, как все мои мучения закончились.

Первые поздравления с рождением сына Андрюши я приняла от Валерки.

Свою жизнь с Игорем я почти не помню. Сплошные ожидания. Его работа была связана с постоянными разъездами. Дома он бывал редко. Мне даже это нравилось. Мы очень долго оставались молодоженами, радовавшимися каждому вместе проведенному мгновению. Ох, как мы любили друг друга в эти дни. Мы были так счастливы.

Однажды по телевизору я видела сюжет о том, что на Мадагаскаре существует закон: на время, когда один из супругов отправляется в длительную командировку, семья счита-

ется находящейся в разводе и никто не несет никакой ответственности. У нас такой закон не действует. Поэтому наш развод с Игорем был закономерен. Мой муж оказался двоеженцем. Формальным, но все-таки.

– А что ты хотела от меня? – Игорь не понимал моего решения. – Я там нахожусь больше времени, чем с тобой. Я нормальный здоровый мужчина и ничто человеческое мне не чуждо.

Я, наверное, была ненормальная. Потому что мне этого человеческого не требовалось, вполне хватало редких свиданий с мужем.

Развод я пережила почти нормально. Сын Андрюшка занимал много времени, и печалиться было некогда. Моя мама по этому поводу переживала больше. Никак не могла смириться с тем, что я оказалась матерью-одиночкой. Думаю, что ей было стыдно перед соседями за непутевую дочь.

Валерки в городе не было. Как-то постепенно он пропал из моей жизни. Бывший муж не верил в возможность дружбы между мужчиной и женщиной, и своими постоянными попреками свел наши отношения на нет. А потом Валерка окончил институт и уехал по распределению в другой город. Писать не обещал и выполнял свое обещание.

Последний раз я видела Валерку на похоронах его матери, которая тихо умерла через год после его отъезда. Не для кого стало жить, как объяснила моя мама. Мне это показалось

ужасным. В то время я была опьянена своей любовью.

На похоронах Валерка был весь черный. К нему было страшно подойти. Я боялась, что чернота может переползти на меня. Мне было стыдно своего счастья. Поэтому мы даже не поговорили. На следующий день Валерка уехал в свой далекий город по распределению.

Прошло много лет. Сын Андрей все больше времени пропадал на улице, а мама становилась ниже ростом. Сама я тоже не делалась моложе. Хотя и старалась этого не замечать. Но количество взглядов, бросаемых на меня мужчинами, не могло врать. Их стало меньше.

Однажды, придя с работы, как всегда загруженная сумками, на нашей кухне я увидела Валерку. Он сидел за столом и пил с мамой чай.

– Смотри, кто к нам приехал, – радостно сказала мама.

Глаза ее сверкали, и вся она была такая счастливая.

– Валерка... – только и смогла я выговорить, опускаясь от неожиданности на стоящую около дверей табуретку.

– Ну, здравствуй! – Валерка подошел ко мне и забрал из опустившихся рук сумки.

Все происходило как в замедленном кино. Время растянулось. Я четко видела Валерку, чуть – чуть чужого, но почти такого же, как раньше. Джинсы, серый свитер. Прическа другая и морщинки возле глаз. Слышала мамин голос, обе-

щавший скорый обед. Все видела и слышала, а сдвинуться с места не могла.

– Ну, ты, подруга, даешь, – даже голос остался прежним.

И мне показалось, что не было этих долгих лет. Я только что пришла из школы, мама накрывает на стол, а Валерка ерзает на стуле, ожидая пахучих щей. А в кармане у него билеты в кино, на которое мы как обычно опоздаем из-за ушедшего из-под носа трамвая. Потом, возвращаясь домой, будем до одури спорить о фильме. Фильм опять окажется про любовь. «Душещипательные нюни» – выскажет он свое мнение. А мне понравится, и я ни за что с ним не буду соглашаться, что время потрачено зря. Разругаемся и разойдемся по домам, чтобы завтра на пару отправится в школу.

К реальности меня вернула мама:

– Андрей звонил и сказал, что придет поздно. Так что давайте обедать без него.

Вот так-то. Не будет никакого фильма про любовь. Не будет ушедшего из-под носа трамвая. Есть я, есть Валерка и прожитые врозь годы.

После обеда мама засобиралась к своей подруге Нюте. Оказывается, ей очень надо было с ней встретиться. Как будто вчера не виделись. Но я ничего по этому поводу не сказала. Только мысленно поблагодарила за тактичность.

– Ну как ты, подруга? – спросил Валерка, когда мы остались одни.

– Нормально. А ты?

Пустые, ничего незначащие слова. Не их я хотела. Ведь это Валерка. Мой лучший друг. Единственный. Из-за него у меня подруг не было. Так что мне и поплакаться-то некому. Всего так много накопилось. Часто в мыслях с ним разговаривала. А сейчас не могла. Чужой человек сидит рядом.

– И я нормально.

Не молчи, Валерка, не молчи. Расскажи, как жил эти годы, где работал, кого любил. Только не молчи. А потом я расскажу. Расскажу об одиночестве, о бесконечных проблемах на работе, о болячках сына. У меня же взрослый сын. Выше меня на голову. Единственный мужчина в семье. Он тебе понравится. Я старалась дать ему все, чтобы не чувствовал своей безотцовщины. И о тебе много рассказывала. Он тебя по моим рассказам лучше знает, чем отца родного. Только не молчи. Дай мне поплакаться о неудачной жизни. Дай возможность снова почувствовать себя маленькой девочкой. Успокой меня, Валерка. Забудь эти пролетевшие годы. Мы же с тобой друзья.

– Мама ухаживает за могилами твоих родителей, – я не знала, что сказать.

– Да, она мне рассказала. Спасибо ей. Я плохой сын. Столько лет не приезжал.

– Почему? Почему ты не приезжал? – хотелось сказать, что мне так его не хватало. Но я промолчала.

– Все причины находил своей занятости. Как будто могут

быть какие-то причины. Все намного проще. Не мог я приехать.

Я смотрела на Валерку, и вдруг мне стало страшно. Мне уже не хотелось, чтобы он говорил. Я знала, что он скажет. Это было неожиданно и совсем ненужно. Валерка – друг. Всегда им был. Зачем менять то, что устоялось и сложилось.

– Я любил тебя.

Вот и все. Сказал он это так просто. Обычно и просто. Я знала, что это правда. Но нужна ли она мне? У меня своя жизнь, у него своя. Мы ничего не знаем друг о друге.

– Я уже не та девчонка с нижнего этажа. Да и ты не тот, кто раньше решал все ее проблемы. Другие они у нее стали, и возможно совсем тебе неинтересные.

– А вот это и хорошо. Будем узнавать друг друга по-новому. Как будто только что познакомились. Шли два человека по улице и просто познакомились. Бывает же такое?

– Наверное. Но со мной уже никто не знакомится на улице. Не та возрастная категория.

– Это мне подходит. Меньше вероятность, что опять кто-то уведет тебя.

Он улыбнулся. И я улыбнулась в ответ. Две улыбки, встретившись в пространстве, растопили лед отчуждения. Мы были вместе. Нам надо было так много сказать друг другу.

Все остальное будет потом. Будет узнавание друг друга, будет удивление и причитания мамы, будет недоуменный

взгляд Андрея на появившегося неизвестно откуда героя маминых рассказов. Все будет потом. Я не задумывалась о том, получится ли что-нибудь из нашей встречи через года. Мне это было не важно.

Сейчас мы просто сидели на кухне, пили остывший чай и говорили, говорили. Я и мой друг детства Валерка.

Успей загадать желание

У народов Севера существует хорошая поговорка: «Нет плохой погоды, есть плохая одежда».

Если по их понятиям на погоду грешить нельзя, то, значит, у меня плохая одежда. На улице снег и пронизывающий ветер, от которого нет никакой защиты.

А у меня УП, универсальное пальто, как его называет моя дочь Катька, с отстегивающимся меховым воротником. Пристегнул воротник – стало зимнее пальто, отстегнул – демисезонное. Очень удобно. И все думают, что у меня их два. Как у всех нормальных людей. Я, наверное, ненормальная. Потому что два пальто позволить себе не могу. Зарплата не позволяет.

Я работаю в регистратуре поликлиники. У меня адская работа. Но за нее платить много денег не хотят. Неквалифицированная работа хорошо оплачиваться не может. Зато у нее есть свои преимущества.

Наш городок небольшой. В нем три поликлиники. В одной из них я работаю. Так что в лицо я знаю одну треть города. Меня тоже знают. Поэтому часто здороваются на улице.

От этого я ощущаю свою значимость.

В детстве, как и все, я хотела стать знаменитой. Артисткой или космонавтом. Все равно кем. Но чтобы меня узнавали. Но не стала. Потому что сразу после десятого класса у меня случилась любовь, и я родила дочь Катю. С ребенком на руках знаменитой стать трудно.

С отцом Кати мы так и не поженились. Он тоже только что окончил школу и собирался поступать в институт. Ребенок ему был бы помехой. Так говорила его мама. Она работала в нашей школе учительницей русского языка, и я привыкла ее слушаться.

Институт он закончил, работает на заводе инженером и посещает нашу поликлинику. У него язва желудка. Поэтому я вижу его часто. Он приходит весь измученный болью. От этого у него зеленеет лицо. Ему нужна щадящая диета. Его жена, наверное, не хочет готовить диетические блюда, поэтому приступы обострения у него случаются каждый сезон: летнее обострение, осеннее, зимнее и весеннее. Мне его жалко. Но я рада, что ответственность за его мучения лежит не на мне. Я бы тоже не хотела готовить диетические блюда. Я вообще не люблю готовить.

Моя дочь из-за этого меня называет «бестолковой хозяй-

кой» и всегда ставит в пример мою подругу Таньку. У той любое блюдо получается шедевром кулинарного искусства. У нее талант домохозяйки, который она улучшает из года в год. Ее муж Вадим может ей это позволить. Раньше Танька тоже работала в нашей поликлинике медсестрой. Но с тех пор, как Вадим открыл свой собственный автосервис, сидит дома и совершенствует свое мастерство в кулинарии.

По этому поводу у Таньки есть шутка: когда Вадима посадят, то у нее будет достойная профессия. Танькины родители были номенклатурными работниками и воспитали свою дочь на идеях марксизма – коммунизма с непримиримым отношением ко всяческим капиталистическим элементам. Танька уверена, что все бизнесмены бандиты. Честным трудом больших денег не заработаешь. Но деньги от своего мужа принимает и живет припеваючи, без всякой дисгармонии в душе. Как у нее это получается, я не понимаю. Если у меня возникает какая-то дисгармония, то я долго мучаюсь. Я как-то об этом спросила у подруги.

«Просто я люблю своего мужа и принимаю его таким, какой он есть», – ответила Таня.

Вот так, оказывается все просто. Мне все равно. Главное, я знаю, где могу перехватить денег до полочки.

Сегодня последний рабочий день года. Завтра 31 декабря. На работе спокойствие. Перед праздниками резко умень-

шается посещаемость поликлиники больными. Это как затишье перед бурей. Потому что в первые дни Нового года будет не продохнуть. Начнутся обострения после непомерных возлияний и перееданий. Придется побегать по этажам. Но не это самое страшное в моей работе. Страшнее общение с посетителями. Попадают очень скандальные личности. Самое интересное, что процент скандалистов между мужчинами и женщинами примерно одинаков. Все скандалы возникают из-за неудовлетворенности в жизни. Но за годы работы я научилась профессионально улыбаться. Часто улыбка – единственное средство в борьбе с желающими пошуметь.

Последним карточки больных в регистратуру занес кардиолог Сергей Степанович. Он доктор – душка. Больные его обожают и на его приемы ходят толпами. Особенно старушки. Создается впечатление, что они приходят просто пообщаться с милым доктором. Вот и сегодня он покидает поликлинику последним из врачей.

– С наступающим Новым Годом, девочки, – бросает он нам на прощание.

Девочки – это я и моя напарница Ирина Владимировна, в следующем году готовящаяся уйти на пенсию. Так что на девочек мы никак не тянем. Но все равно приятно. Душка. Умеет поднять настроение.

Самое интересное, что этот душка просто деспот в семье. У нас коллектив небольшой и все про всех знают. Кто, как, с кем и где. Так что ни для кого не секрет, что жена Сергея Степановича и его дети дома по струнке ходят. Всю свою приветливость он, наверное, на своих старушек – больных тратит. На семью уже не остается.

Ирина Владимировна по вечерам убирает нашу регистра-туру, чтобы заработать денег к пенсии. Я бы тоже с удоволь-ствием подработала. Но на двоих работы нет. Я еще молодая, до пенсии далеко.

Прощаюсь с Ириной Владимировной, желаю ей счастли-вой встречи Нового года, натягиваю свое УП и выскакиваю в мерзопакостную погоду. Зимой темнеет рано и в восемь часов на улице уже ночь.

Скорее домой, в уют квартиры. Если уютной можно на-звать сотрясающуюся от громкой Каткиной музыки комна-ту.

Проявлю родительскую власть и заставлю пораньше лечь ее спать.

А то завтра, в Новогоднюю ночь, поспать не придется.

Катка уходит к друзьям, а я к Таньке. Плохо, конечно. Новый год надо встречать в семье. Что мы всегда и делали.

Я и Катя.

Но в этом году она у меня вымолила эту ночь, подкупив хорошими оценками в табеле. Что тут поделаешь? Ребенок вырос. Надо считаться с его интересами.

В прошлые выходные мы ходили на рынок. Покупали Кате сапоги. Я поняла одну вещь. Чем отличается от нашего поколения нынешнее поколение шестнадцатилетних. Размером обуви. В дни моей молодости самым ходовым размером обуви был тридцать шестой – тридцать седьмой. Нынче – тридцать девятый. Никак не могли подобрать сапоги на Катькину ножищу. У всех девушек, оказывается, такой размер. Интересно, какие же ноги будут у наших внуков?

Сапогами дочь осталась довольна. На шпильке в восемнадцать сантиметров. Я долго сопротивлялась, не хотела покупать, но она меня уломала. Обещала дать поносить. Только я представила себя на таких каблучищах да на льду, сразу грустно стало. Нет, это не для меня. Мне надо что-нибудь поустойчивее. А Катя рада. Не стыдно будет пойти на вечеринку.

А я пойду к Тане и Вадиму. От встречи Нового года я ничего хорошего не жду. Прошел уже тот возраст, когда с боем курантов ожидаешь счастливых изменений в жизни. Но дома сидеть одной – это уже совсем последнее дело.

Танька обещала сюрприз. Наверное, приготовит фаршированную щуку. Знает, что я ее обожаю. Особенно в ее приготовлении. Один раз я тоже решила приготовить. На свой день рождения. Дальше попытки аккуратно снять шкуру дело у меня не дошло. Хотела удивить гостей, а получилось как всегда. Жареная щука. Права Катя. Бестолковая я хозяйка.

До дома оставалось минут десять хода, когда меня кто-то окликнул:

– Девушка, подождите минутку.

Я оглянулась по сторонам. Поблизости никаких других девушек, да и вообще никого, не было. Значит, обращаются ко мне. Ох, не люблю я встреч с незнакомыми людьми на темных улицах. Особенно, с мужчинами.

– Извините, пожалуйста, – из темной подворотни вынырнул подозрительный тип.

Я покрепче прижала болтающую на плече сумку. Никаких денег там, конечно нет. Откуда они могут быть, если до зарплаты осталось четыре дня. Но мужик-то об этом не знает. А без сумки мне никак нельзя.

– Извините, пожалуйста, – повторил мужчина. – Не подскажите, как мне пройти на остановку автобуса. Заблудился я тут.

Ничего удивительного. В нашем микрорайоне заблудить-

ся не мудрено. Того бы, кто его проектировал, привезти сюда ночью и оставить. Ни за что не нашел бы дорогу. Дома понастроены без всякой системы. Можно кружить между ними целый день, переходя из двора во двор, а на центральную улицу так и не выбраться.

Чтобы хорошо ориентироваться, надо прожить в нашем районе не меньше года.

Мужчина был чужой. Среди моих знакомых, составляющих одну треть города, он не числился. У меня очень хорошая память на лица, и если я кого-нибудь хоть один раз видела, всегда вспомню. Один мой близкий друг, который уже давно перестал быть близким, говорил, что мне с такой памятью надо работать в разведке. Наверное, поэтому он от меня сбежал. А так все красиво начиналось. Он даже перетащил ко мне спортивную сумку со своей одеждой. Полгода у нас была нормальная семья. А потом он вернулся к своей жене, которая для разведки не подходила.

Катя обрадовалась. Ее раздражал чужой мужчина в доме, а я впала в депрессию, которая со временем прошла. Но больше чужих мужчин со своими вещами я в наш дом не пускаю.

– Пойдемте, – сказала я. – Нам по пути.

Страх перед незнакомцем не прошел, но не бросать же человека. Я всегда стараюсь людям помогать. Если это, ко-

нечно, в моих силах. Довести мужчину до остановки в моих силах. Тем более что она находится как раз напротив моего дома.

Мужчина был навеселе, и ему хотелось общения, к которому я была не расположена. Еще в детстве мои родители мне вбили в голову, что разговаривать с чужими людьми на улице нельзя. Я всегда следовала их советам. Поэтому всю дорогу до автобусной остановки молчала. Зато мужчина говорил без остановки.

За несколько минут нашего совместного пути я узнала, что зовут его Владимир, приехал в наш город в командировку на завод, уехать из города пока не может, не закончил дела и будет встречать Новый год в пустом номере гостиницы один. А потом сказал:

– А давайте его встретим вдвоем.

Я по натуре человек добрый. Мне стало жалко Владимира. Но ничем ему помочь не могла. Так и сказала.

– Конечно, такая девушка не может страдать от одиночества.

Конечно, не может. Она будет встречать Новый год со старыми друзьями и любимой фаршированной щукой. Но я ничего не стала объяснять этому чужому человеку. Просто пожелала счастья в новом году.

Хороший праздник Новый год. Можно желать счастья и удачи совсем посторонним людям и это не считается чем-то неприличным.

Только я вошла в квартиру, раздался телефонный звонок. Звонила Таня. Напоминала о завтрашнем. Как будто я могла об этом забыть. А потом добавила:

– Помнишь я тебе обещала сюрприз?

– Помню.

– Так вот. Вадим сказал, что я тебя должна все-таки предупредить. А то от такого сюрприза тебе плохо может стать без предупреждения.

Я заволновалась:

– Ну что вы там придумали?

– Ну, в общем, на праздник мы пригласили партнера Вадима по бизнесу. Хороший мужик, с деньгами и совсем одинокий. Решили с тобой его познакомить.

– Здрасьте. Вы что сватами подрабатываете?

Терпеть не могу, когда в мою жизнь лезут. Пусть даже и лучшие подруги.

– Да не злись ты. Познакомитесь. А вдруг он тебе понравится? Сколько лет одной быть можно?

Чувствовалось по голосу, что Таня очень волнуется. Добра же мне желает.

– Ладно. Познакомлюсь с вашим хорошим мужиком.

Мне совсем не хотелось злиться.

– Вот и ладненько, – голос Таньки повеселел. – Ждем завтра в десять. Целую. Привет Катьке.

Перед сном я лежала в своей кровати и думала о том, что завтра канун Нового Года, который я буду встречать в приятной компании друзей, а не в пустом гостиничном номере, как Владимир, а, значит, жизнь совсем даже не плохая штука. Может быть, в новом году и мне она улыбнется. Главное, успеть загадать желание, пока бьют куранты.

Трудности перемен

В пятницу, в самом конце рабочего дня, когда мысли витают уже далеко, и нет сил поднять даже ручку, не говоря о том, чтобы вписать очередную цифру в ведомость, дверь бухгалтерии отворилась и в комнату просунулась взлохмаченная голова.

Голова, к счастью, принадлежала Толику – мужу нашей бывшей сотрудницы Татьяны, а не очередному посетителю с немыслимой просьбой. Заниматься делами в последний час рабочей недели просто невозможно! Весь отдел вздохнул с облегчением.

Татьяна недавно ушла из нашей бухгалтерии в частную фирму. Но наша дружба продолжалась и Толик, работавший на заводе, частенько забегал ко мне по поручениям жены.

Протянув свое знаменитое: «Можна-а-а?», Толик подошел к моему столу, сверкающему предвыходной чистотой, и уселся напротив.

– Наташа, спасай! – прошептал Толик, – Танька с ума сошла.

Коллеги наострили уши, а я удивленно посмотрела на Толика. Это было что-то новенькое. Более благоразумного человека, чем Татьяна, я в жизни не встречала. Все у нее было распланировано и продумано на десяток лет вперед, и умопомешательство в эти планы не входило.

Скорее немного сумасшедшим был сам Толик. Первые признаки помешательства у него проявились в момент появления в их доме компьютера. Толик впал в детство, не отходил от компьютера ни на шаг и находился в восторженном состоянии пятиклассника. Но чтобы Танька... Толику я не поверила.

– Толик, а ты ничего не путаешь? – с сомнением в голосе спросила я, тоже шепотом.

Если в семье Толика проблемы, то нечего всех в них посвящать.

– Сам бы рад ошибаться, – вздохнул Толик. – Но тут, Наташа, видимо серьезно. Как вернулась из заграницы, так не узнать Таньку. Изменилась. А вчера такое учудила. Такое... Я очень прошу тебя – поговори с ней. Вы же подруги. Если меня ни в грош не ставит, то может тебя послушается.

Я заволновалась – Толик выглядел по-настоящему расстроенным.

– Ничего не понимаю. Ты можешь толком объяснить, что у вас случилось?

– Э-э-эх! – еще раз вздохнул несчастный муж моей подруги. – На словах-то не объяснишь. Придешь завтра, сама все увидишь. Я только хотел тебя предупредить, чтобы было не так неожиданно. Окажи влияние на мою ненормальную жену.

Если Толик хотел меня заинтриговать, то ему удалось это сделать.

Завтра я собиралась идти к Татьяне ближе к вечеру. Но женское любопытство (кто ж им не страдает?) заставило изменить планы. Пойду с самого утра. А субботние домашние дела оставлю на потом. Тем более заниматься ими совсем не хотелось. Просто есть такое короткое и не всегда приятное слово: «Надо»».

В помешательство Татьяны я, конечно, не поверила. Поболтать с ней хотелось по другой причине. Дело в том, что фирма, куда перешла работать Таня, направила ее на стажировку в Голландию, где подруга перенимала зарубежный бухгалтерский опыт в течение трех недель. После ее возвращения мы еще не виделись. А так хотелось узнать, как у них за границей. Тем более что никто из моих знакомых там еще не бывал, не говоря обо мне. С моим окладом дальше ста километров от города отъезжать опасно. Может не хватить денег на обратную дорогу. Да и муж у меня не миллионер.

В субботу утром, накормив своих домашних легким завтраком, я отправилась к подруге.

Дверь открыл Толик и, не поздоровавшись, сказал:

– Проходи.

– Ну, как она? – спросила я.

Толик покрутил пальцем у виска и кивнул в сторону кухни. Я поняла, что Татьяна там. А где же еще быть женщине в субботу утром, когда вся семья дома и с нетерпением ждет

завтрака?

Я прошла на кухню и остановилась на пороге, пораженная картиной, представшей перед моими глазами.

Татьяна в закатанных джинсах, клетчатой рубашке, тяжелом резиновом переднике и повязанной на голове косынке рисовала на стене бабочку.

– Наташка, ты? – спросила она, не отрываясь от своего занятия. – Я сейчас. Только усы дорисую.

Усы были дорисованы и Танька, вздохнув, распрямила спину.

– Ну как? – спросила она, с восторгом глядя на преобразившуюся кухню. – Правда, здорово?

Я не могла разделить ее восторг. Кухня была выкрашена в ярко-лимонный цвет. И это еще не все. Стены были разрисованы разноцветными цветочками, солнышками и бабочками, одну из которых она только что закончила. Все было таким ярким, что в глазах рябило.

– Таня, что это? – спросила я, вспоминая еще недавно такую уютную кухню в приглушенно-бежевых тонах.

– Не видишь, что ли? Ремонт я сделала. Красота!

Топтание за моей спиной заставило обернуться и увидеть Толика, в глазах которого светилась обреченность. Я посмотрела на него взглядом, полным поддержки его чувствам, но не знаю, понял ли он. Толик махнул рукой и ушел в комнату

– Толику не нравится и Вадимке тоже, – сказала Таня. – Ушел к бабушке. Сказал, что у него от такой порнографии будет несварение желудка.

В душе я была согласна с сыном Татьяны. У меня бы тоже кусок в горло не полез при такой пестроте.

А Таня по этому поводу даже не переживала:

– Ничего, смирятся. Это же так красиво. Правда?

Обижать подругу не хотелось, и я промямлила:

– Наверное. Но не слишком ли ярко?

– Нормально. По верху я еще голубой краской пройдуся.

Как небо будет.

Я почти поверила в то, что сказал о жене Толик. Если диагноз верный, то надо быть с подругой поосторожней. Нельзя расстраивать лишний раз. Поэтому я оставила свое мнение при себе.

– Ты иди в комнату, а то тут запах от краски. Я кофе сварю, – сказала Танька, вытирая руки о передник.

Я пошла в комнату и нашла там Толика, печально сидящего на диване. Его взгляд был прикован к какой-то точке на противоположной стене. Я посмотрела туда, но ничего не увидела.

– Ну? – спросил муж подруги.

– Да... – я села рядом с ним.

Некоторое время мы молчали, а потом Толик сказал:

– А потом она возьмется за комнату. Так она сказала. На-

таша, я не выдержу бабочек с цветочками в комнате.

– Держись, Толик, – я его подбодрила. – Может быть, у нее иссякнет вдохновение.

Я любила бывать у Татьяны в гостях. Но моя психика тоже не выдержала бы таких буйств красок. А чтобы жить в ней... Ой-ой, не позавидуешь семье подруги.

Татьяна внесла поднос с дымящимся кофе. Свой ужасный передник и косынку сняла и превратилась в так хорошо известную мне подругу. Толика из комнаты отослала, сказав, что бабские разговоры ему слушать нечего.

Заводить разговор о ремонте не хотелось. Поэтому я спросила:

– Ну, как там, в Голландии? Рассказывай – сгораю от любопытства.

Татьяна откинулась на спинку дивана и произнесла:

– Ой, Наташка, нам бы так жить. Все у них есть, все у них продуманно. Но не это главное. Главное то, что они этим пользоваться умеют.

А потом посмотрела на меня и спросила:

– Вот ты о чем думаешь, когда просыпаешься?

– Будто бы не знаешь. О том, что на работу идти не хочется.

– А еще?

– Что на ужин приготовить.

– А еще?

– Где денег взять Женьке на сапоги.

– Нет, Наташка, многие у них живут не богаче нашего. В семье, где я жила, даже компьютера нет, и телевизор они позволяют себе посмотреть только два часа в день. И мебель старая. Зато все так чистенько. Занавески веселенькие на окнах, на стенах фотографии родственников аж до пятого колена. Вот ты, что знаешь про свою прапрабабку?

– Будто бы ты что-то про свою знаешь, – обиделась я на подругу.

– Не знаю. А вот они знают и рассказывают с любовью. Как будто не умерли эти люди, а только погулять вышли.

Я не разделяла восторга Татьяны. Мало ли что у нас люди на стенах развешивают и с любовью рассказывают. Вон друг моего мужа коллекцию бабочек на стене развесил и может о ней часами рассказывать. Мне только жалко становится бедных созданий. Такую красоту да на булавку.

– Но не это главное, – продолжала Татьяна. – Знаешь, что добило меня окончательно?

– Ну?

– Идем мы по улице. Переводчица расхваливает красоту городка, мы глазеем по сторонам. И вдруг навстречу нам дамочка на велосипеде. Лет семьдесят ей. Чешет, как молодая. Сама в золотых башмаках на высоченной платформе, в черных колготках, губы – ярко-красные, голубые тени на глазах. Рядом собачка бежит. Плюгавенькая такая. А на шее красный бант. Вот этот бант меня и добил. Остановилась, рот

от изумления открыла. А потом слезы потекли. Разревелась посреди улицы – маму вспомнила. Она же моложе этой старухи, а из поликлиник не вылезает. Все меня успокаивают, понять моих слез не могут. Вот тогда, Наташа, я и поняла, что не правильно жила все эти годы. Хватит, сказала я себе. Надо в жизни праздник делать. Решила с ремонта начать.

Я со страхом посмотрела в сторону кухни.

– Тань, а может не надо так кардинально менять? Мы ж не привыкли к празднику каждый день, – я вспомнила обреченные глаза Толика.

Татьяна рубанула рукой:

– Нет, только так кардинально и надо. Сразу и окончательно. А не то и мы с тобой лет через десять постоянными посетителями поликлиник станем. А я не хочу. Понимаешь, не хочу.

Через час я шла домой и думала о том, что завтра поеду к маме, пороюсь в старых фотоальбомах, найду фотографии бабушек и развешу по стенам. А в понедельник куплю банку розовой краски и выкрашу свою старую секцию.

Ведь Татьяна права: никто не сделает праздника, кроме нас самих. Честное слово, я так и думала.

Но в голову постоянно лезла мысль: что же приготовить сегодня на ужин?

Трудно начинать жить по-новому.

Дойти до радуги

Веру Анатольевну в последнее время мучила навязчивая идея: выдать замуж дочь. Конечно, как современная и неглупая женщина с незаконченным высшим образованием и кучей прочитанных любовных романов, она понимала, что главное решение в этом вопросе остается за ней. Но против общественного мнения идти было трудно. А коллеги по работе, выражающие это самое мнение, считали, что девушке в двадцать шесть лет негоже оставаться в девках.

Сама Вера Анатольевна вышла замуж в неполных девятнадцать, на втором курсе, и к двадцати годам уже катала красную коляску с очаровательной Наденькой. Потому и институт не закончила. О какой учебе могла идти речь, когда ребенок на руках? Ведь самой обо всем заботиться приходилось. Муж исчез из семьи, не дождавшись даже двухлетия дочери.

Вера Анатольевна о нем и не вспоминала почти никогда. Что толку помнить о потерянном? С годами она даже стала сомневаться: а был ли муж? Единственное подтверждение его существования – Наденька без прочерка в свидетельстве о рождении. Там в графе «Отец» красивым каллиграфическим подчерком тушью выведено: «Захолодов Артем Петрович».

Не осталось даже его фотографий – выбросила, и семей-

ный альбом, красивый, в красной сафьяновой обложке, подаренный подругами – однокурсницами на свадьбу, стал похож на дом с выбитыми окнами. Правда, потом она его заполнила фотографиями дочери. Каждый год, в день ее рождения, Вера Анатольевна вела нарядную Наденьку в фотоателье на соседней улице. А потом аккуратно вклеивала снимки в альбом.

Очаровательный ребенок постепенно превращался в интересную девушку.

И вот эта умная, красивая, интересная девушка не хотела выходить замуж. Вера Анатольевна, воспитанная в строгости, когда главным правилом было: «До свадьбы ни-ни», не понимала взаимоотношений Нади и ее Сергея. От своего непонимания и злилась.

Кем был этот долговязый, немного сутулый парень для дочери?

Другом не назовешь. С друзьями не спят. Однажды, вернувшись с работы в неположенное время, Вера Анатольевна застала Наденьку и Сергея в пикантной ситуации, от вида которой готова была провалиться сквозь землю. Вечером решила провести с дочерью воспитательную беседу.

– Мама, я уже давно не девочка, так что не нужно лишних слов, – Надя даже не смутилась, остановив, красную как свекла, мать.

Сожителем тоже. Ведь вместе они не живут. Оставался, конечно, иногда на ночь, да и Надя у него. И на этом все.

Иностранцы придумали удачное слово: бой-френд. «Мальчик – друг». Мальчик – для тела, друг – для души.

Но она-то для дочери другого желает. Постоянства и определенности. Счастья. Нормальной семьи.

Каково жить одной Вера Анатольевна знала. Трудно. Как в пословице: «Сам и жнец, сам и кузнец, сам и на дуде игрец».

И еще очень одиноко. Когда Надюша маленькая была, не чувствовала Вера Анатольевна этого одиночества. А сейчас дочь выросла. У нее свои дела, свои проблемы. Хоть и живут в одной квартире, а видятся иногда лишь по несколько минут в день.

Однажды Вера Анатольевна даже постыдила дочь, что та мать ни во что не ставит, забыла ее совсем, как чужая стала.

– Займись ты, мама, делом каким. Хобби найди. Это сейчас модно. А у меня и так времени не хватает, – ответила на это Надежда.

И то правда. Днем – работа, вечером – занятия в магистратуре, в выходные – развлечения. Дело-то молодое.

А Вера Анатольевна все вечера то с книгой про любовь, то с каким-нибудь душещипательным сериалом. Живет наблюдателем чужой жизни и плачет в одиночестве. Самое смешное, что не от переживаний плачет, а от зависти.

Знает Вера Анатольевна, не дура ведь, что все напридумано, а все равно верит, завидует любви настоящей.

А ей не вспомнить, не рассказать не о чем. О муже-пре-

датель? Да Бог ему судья. Молодой был, красивый. Вот и не устоял перед соблазнами. Лучшую нашел. Единственное болью сердце сжимало, что дочерью никогда не поинтересовался, не узнал, какой красавицей и умницей мать вырастила.

Еще у нее один был, Константин. Вера Анатольевна его с улицы подобрала. Ну, может быть, и не совсем так буквально. Но от скитаний по разным углам точно уберегла. Костя – видный мужчина был. На заводе многие бабы на него заглядывались. Вера Анатольевна – нет. Знала, что он – человек женатый. Зачем о пустом мечтать?

А однажды пришлось задержаться на работе. Конец месяца был, наряды закрыть не успела. Выходит Вера Анатольевна с проходной, а тут ее Костя догоняет, предлагает до дома проводить. Ей-то что? Пусть провожает. Как проводил, так и остался у нее почти на год. С женой у него в то время проблемы возникли. Уйти хотел, а куда не знал. Вот и подвернулась Вера Анатольевна.

Она, истосковавшаяся без мужской ласки, от счастья, как на крыльях, летала. Надюшка, правда, взъерепенилась. Тринадцать лет, самый трудный возраст. Грубить стала, в учебе съехала. Вера Анатольевна, как могла, втолковывала ей, что без мужчины в доме трудно, что дядя Костя хороший, заботливый.

На работе они вначале скрывали свои отношения. Да разве от людей скроешь? Все было: и осуждения, и даже началь-

ник цеха на беседу вызывал. И ее, и Костю.

Константин, как мог, ее успокаивал. Всем не угодишь, говорил. Главное, что мы любим друг друга.

Только была ли любовь? Ведь вернулся Константин в прежнюю семью, только жена поманила.

Так и разошлись. Костя – в семью, а Вера Анатольевна – в седьмую больницу, на аборт.

Медсестра сказала, что девочка была. Конечно, девочка. Любочкой назвать хотела. Любовью. Для полного комплекта. Да, видимо, не судьба. Сама Вера Анатольевна сгубила третью составляющую. За это и пожинает плоды. Живет без всякой любви.

От невеселых мыслей Веру Анатольевну оторвал резкий звук тормозов и ощущение, что падает. Боль пришла потом, когда увидела склоненного над собой мужчину.

– Куда прешь? Смотреть надо, – глаза мужчины пылали огнем.

Вера Анатольевна недоуменно смотрела на него, не понимая его гнева.

А потом осознала, что лежит на дороге.

«Колготки порвала», – подумалось сразу.

От обиды потекли слезы. Колготки новые, сегодня первый раз одела. И лишь потом почувствовала боль в боку.

Мужчина уже помогал ей подняться. Но от боли она не могла пошевелиться.

– Да вставайте же. Милиция сейчас примчится. А мне некогда с ней разбираться.

Мужчина почти на руках дотащил Веру Анатольевну до машины и усадил на заднее сиденье. Потом сам быстро сел за руль и отъехал на обочину.

– Вы в порядке? – спросил он, повернувшись к Вере Анатольевне.

– Кажется, в порядке. Только бок болит, и колготки порвались.

– Колготки... Вы радуйтесь, что живы остались. Выскочили на дорогу и под колеса. Еле затормозить успел.

Странно, но Вера Анатольевна чувствовала себя спокойно. Мужчина волновался больше. Даже руки, опиравшиеся на сиденье, дрожали.

– Извините меня. Задумалась, не заметила.

– Не заметила... Несутся сломя голову, а нам за них отвечаю. Куда вас отвезти?

– Спасибо, не надо. Мне уже близко. Сама дойду.

Вера Анатольевна попыталась выбраться из машины. Но бок болел по-настоящему, и она непроизвольно охнула.

– Довезу, сказал же. Говорите адрес.

А потом еще раз внимательно посмотрев на нее, спросил:

– А может в больницу?

– Нет, нет. В больницу не надо. Со мной все в порядке.

Как любой редко болеющий человек, Вера Анатольевна панически боялась всяких медицинских учреждений.

И она назвала свой адрес, непонятно зачем добавив и номер квартиры.

Мужчина подвез ее к самому подъезду.

Вера Анатольевна с трудом поднялась на третий этаж, останавливаясь и отдыхая на каждой лестничной площадке, и вошла в свою квартиру. Надюши дома не было.

Подумав, что нужно бы заняться ужином, она отменила свое решение, решив, что дочь достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе. Легла в кровать и стала себя жалеть.

В голове крутились невеселые мысли. Вот лежит она в кровати одинокая и никому ненужная. Даже воды подать некому.

Разве о таком мечталось в юности? Вера Анатольевна вспомнила ночь после выпускного. Всем классом, по традиции, они пришли на берег реки встречать рассвет. Девочки были необыкновенно красивые, а мальчики – необычно серьезные. Их классная, молодая совсем, не старше нынешней Надюши, еще неиспорченная учительскими проблемами, завела разговор о будущем, о планах своих бывших уже учеников на взрослую жизнь.

И Вера, в то время смешливая и озорная девчонка, удивила всех своих одноклассников. Она мечтала о счастливой семье, о большом количестве детей, о хорошем муже.

А потом над рекой поднялась радуга, и все они радовались и смеялись. И учительница вместе со всеми. Переполненная чувствами она подпрыгивала на месте и кричала:

– Мы дошли до радуги. До радуги... Все наши мечты исполнятся! Обязательно исполнятся. Ведь мы дошли до радуги.

Не исполнились Верины мечты. Мужа нет, и дочь только одна. После аборта ей вынесли приговор, что детей больше не будет. Да и не от кого их было иметь.

После истории с Константином Вера Анатольевна замкнулась, стала нелюдимой, потерявшей веру в любовь.

Потому и лежит сейчас одна в пустой квартире, гадая, придет ли дочь домой или нет.

Бок почти не болел. Видимо, отделалась даже не испугом, а простым синяком. Но вставать Вера Анатольевна все равно не хотела. Не хотела готовить ужин, не хотела смотреть телевизор с его душещипательными историями. Не хотела даже думать. Просто лежать.

Вера Анатольевна неожиданно для себя заснула. Заснула днем, может быть впервые за последние годы. И приснилось ей поле с ромашками. Она, молодая и счастливая, шла по этому полю, и ромашки нежно щекотали босые ноги. А впереди виднелась радуга. И Вера знала, что скоро – скоро дойдет до нее. И от этого счастье переполняло ее. Ведь у тех, кто дойдет до радуги, обязательно исполнятся все надежды.

Разбудила ее Надя, вернувшаяся с работы. Дочь переполошилась, застав мать спящей. Услышав, что та попала под машину, не разрешила подняться, сама приготовила ужин,

подала в постель.

После ужина Вера Анатольевна и Надя, забравшаяся к ней, как бывало в детстве, в кровать, рассматривали фотоальбом в красной сафьяновой обложке, вспоминали смешные случаи из жизни.

От этой семейной идиллии их оторвал звонок в дверь.

– Мама, там к тебе, – проговорила Надя, вернувшись в спальню. – Мужчина.

Вылезать из уютной постели не хотелось, но пришлось.

В комнате стоял давешний водитель, неловко держа в руках огромный букет розовых гвоздик.

– Это вам, – сказал он Вере Анатольевне. – Я посчитал свой долгом узнать, как вы себя чувствуете. И еще... Вот колготки. Ваши же порвались. Я не знаю, какие вы предпочитаете. Извините, если не такие.

Мужчина, смущаясь, протянул Вере Анатольевне упаковку колготок. Самые дорогие выбрал, определила Вера Анатольевна. Ценой в ее дневную зарплату.

– Не стоило так беспокоиться, – от неожиданности Вера Анатольевна не знала, что и сказать. – Располагайтесь. Я вас чаем угощу.

Вера Анатольевна заваривала на кухне чай и думала, что жизнь не так уж плоха. И дочь у нее прекрасная и заботливая, и люди вокруг совсем даже не плохие, и у нее все будет хорошо. Недаром же ей приснилась радуга.

Время дурочек

Быть дурочкой очень удобно. Какой с нее спрос?

Умные женщины из кожи вон лезут, спорят с пеной у рта, доказывают, что они умные.

Дурочкам проще. Доказывать ничего не нужно. Все и так видят. И жалеть начинают. А от жалости до любви один шаг.

Люба поняла эту простую истину еще совсем молодой.

В начале своего жизненного пути она мечтала соответствовать статусу умной женщины. Для этого у нее были все задатки. Почти отличный аттестат с двумя четверками по физкультуре и химии позволял Любе без труда поступить в университет. Будущая профессия выбиралась на семейном совете. Отец, мать и бабушка Мария бурно обсуждали будущее Любочки. Еще на семейном совете присутствовал дед. Но из-за глухоты Любочкино будущее не обсуждал. Только время от времени поворачивался к говорящему и переспрашивал:

– Что?

Но из-за важности момента на него внимания не обращали. И дед вновь погружался в свой мир.

Дед коллекционировал марки по теме «Искусство». Созерцание миниатюрных шедевров мировой живописи заменяло ему реальный мир. Дедушка вел обширную переписку

с такими же чудачками, и бабушка Мария знала ответ на извечный, жизненный вопрос: «Куда деньги деваются?». Деньги из их семьи уходили на конверты и марки.

Но бабушка, несмотря на это, лояльно относилась к увлечению деда. Ведь коллекционирование не давало возможности бесу поселиться в ребро деда. Обнаженные марочные красавицы угрозы не представляли. Даже в свои годы дед был красавец. А в молодости еще тот ходок на сторону. Но бабушка Мария, несмотря на маленький рост, находила силу вернуть гуляку в семью.

Любочка пошла в деда. Уже в детстве она подавала надежды превратиться в красавицу. Ей повезло – такой она и стала. Правда, во время выбора своей будущей профессии Люба об этой удаче не думала. Как и все молодые максималистки, она мечтала, что сама, собственным трудом, сможет создать будущее.

Свою ошибку она поняла студенткой третьего курса экономического факультета. Именно он был выбран на семейном совете. Тогда, в бурных спорах, перевесил убедительный довод бабы Марии о том, что экономисты могут позволить себе ходить с маникюром и не ломать ногти. Все согласились. Хотя в душе остались при своем мнении. Мама мечтала видеть Любочку учителем, а папа – врачом. Кем хотела стать сама Люба, так и осталось тайной. В то время она была умной девочкой и во всем полагалась на мнение взрослых.

Университет встретил Любу новыми знакомыми, новыми

обязанностями и проблемами. Оказалось, что учиться в нем очень даже не просто. В школе частенько хорошие отметки выставлялись просто за то, что была Люба послушной, старательной девочкой. В университете на это внимания не обращали. Там требовались знания. Первые два курса Люба очень старалась, просиживала над конспектами днями и ночами. К третьему курсу это надоело. Чтобы не прослыть дурочкой, Люба решила ею стать.

Надев скромненькое платьё, подчеркивающее точеную фигурку, потупив, умело подведенные, глазки, Любочка на одном из перерывов подошла к преподавателю статистики Виктору Ивановичу, грузному для своих сорока семи лет мужчине и прошептала:

– Ваш предмет так интересен, вы его прекрасно преподаёте, но мне трудно разобраться в некоторых вопросах. Помогите мне, пожалуйста.

Виктор Иванович растаял от внимания красивой студенточки, которую приметил на своих лекциях.

Он два часа в пустой аудитории объяснял основы предмета Любочке, одновременно не забывая, как бы невзначай, дотронуться до аппетитной коленки девушки. Любочка скромно опускала глазки и мило улыбалась.

Экзамен был успешно сдан. Правда, на следующий день Любочка с видом обиженной недотроги отказала Виктору Ивановичу, предложившему поужинать в шикарном уютном местечке, пригрозив пожаловаться в деканат на его приста-

вания.

Этим же способом сдачи экзаменов Любочка воспользовалась еще несколько раз и успешно получила диплом экономиста.

Распределили Любочку на приборостроительный завод, что очень огорчило ее. Она не собиралась всю жизнь провести в комнате на семь рабочих мест за утомительными и неинтересными расчетами. Любочка умело подвела руководителя отдела к мысли, что ей сложно целыми днями заниматься рутинной работой. Да и сам руководитель отдела предпочитал видеть Любочку около себя, блаженно млея под ее нежными пальчиками, гладившими его натруженную сиденьем за столом спину.

Руководитель стал добр и великодушен. Поэтому женский коллектив отдела смирился с таким положением дел. В благодарность за прекращение жесткого режима сотрудники распределили работу Любочки между собой, позволяя ей успокаивать гневливого прежде начальника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.